

Юлия Славачевская, Марина Рыбицкая

ЗАМУЖ ЗА ЧЕРНОГО ВЛАСТЕЛИНА,
ИЛИ МУЖИКИ ВЕЗДЕ ОДИНАКОВЫ

ЗАМУЖЕМ ЗА ЧЕРНЫМ ВЛАСТЕЛИНОМ,
ИЛИ БОЖЕСТВЕННЫЕ КАНИКУЛЫ

•

ЗАЧЕМ ВЫ, ДЕВОЧКИ, КРАСИВЫХ ЛЮБИТЕ,
ИЛИ ОНО МНЕ НАДО?

ВЫЙТИ ЗАМУЖ НЕ НАПАСТЬ,
ИЛИ ОНО НАМ НАДО

•

ОДИНОКАЯ БЛОНДИНКА ЖЕЛАЕТ ПОЗНАКОМИТЬСЯ,
ИЛИ БОЙТЕСЬ СБЫВШИХСЯ ЖЕЛАНИЙ!

БОГАТЫЕ ТОЖЕ СКАЧУТ,
ИЛИ ГДЕ СПИТ СОВЕСТЬ

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Юлия Славачевская, Марина Рыбицкая

Богатые тоже скачут,
или Где спит совесть

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Роман

Москва, 2013
САРМАЛА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С47

Серия основана в 2011 году
Выпуск 81

Художник
А. Клепаков

Славачевская Ю. В., Рыбицкая М. Б.

С47 Богатые тоже скачут, или Где спит совесть: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 344 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-1615-8

Мы сами не местные... Нас украли! И зря он это сделал! Так примерно рассуждала Джул, очнувшись в доме миллионера Никоса Казидиса. Если кто-то рассчитывал на страстное чувство, то он не ошибся! Чувство страстное и пламенное, но... к бытовым пакостям. Кому, кроме Джул, знать, как наказывать за проступки? Почему?! Ну, ей виднее по должности, а вам придется прочитать эту увлекательную историю, чтобы понять. Будет свадьба, будет любовь, будет много смеха и даже слезы, но скучно не будет никому!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Славачевская Ю. В., Рыбицкая М. Б., 2013
© Художественное оформление,
ISBN 978-5-9922-1615-8 «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

*История, изложенная в этой книге, полностью выдумана.
Любые совпадения случайны.*

ОТ АВТОРОВ

Мы сердечно благодарим всех тех, кто помогал нам в написании этой книги — в первую очередь наших родных и близких, которые доброжелательно терпели наши частые побеги от семьи и прямых обязанностей.

Мы безмерно благодарны помощи наших самых преданных друзей и читателей: Ларисе Геймбух за неутомимую работу беты; Голубевой Анне, Юлии Алишевой, Людмиле Бессоновой, Баире Илупаевой, Валентине Глинской и Марии Лебедевой — за любезно предоставленные прототипы персонажей. А также мы благодарны нашим активистам: Светлане Исайкиной, Екатерине — Скай, Ольге Артамоновой, Анастасии Тютюнник, Елене Глазковой, Елене Ивановой, Инне Ермолиной, Марии Коломиец, Анне Бескоровайной, Светлане Плахуте, Анне Негазиной, Наталье Тереховой, Ирине Царевой, Наталье Веприковой, Анне Князевой, tanya9_73, Людмиле Москвиной и Anastasiya.

Нам бы пришлось туго без Инны Човбан, Вероники Наман, Ольги Булавиной, Иры Манко, Инессы Лаги, Ирины Киселевой, Ларисы Ивановой, Ольги Давыдовой, Екатерины Жигульской, Наталии Вожжовой, Виктории Буториной, Евгении Поликарповой и Ольги Назаренко.

Девочки, знайте — без вас и вашей поддержки эта книга никогда бы не была написана!

Горячо благодарим сотрудников издательства, работавших над книгой.

Спасибо также тем, кто нас неутомимо хвалит и ругает в любых электронных библиотеках, — благодаря вам мы не тратим лишнее время на самолюбование и больше трудимся на благо родины.

Но больше всех мы благодарим себя — за то, что превозмогли и смогли.

ПРОЛОГ

Наглухо занавешенные окна комнаты. Толстый слой пыли. Застоявшийся, спертый воздух и вязкая, сонная тишина. Брошенные как попало, сваленные в беспорядке вещи, ноутбук, застывший бесполезным томом пластика и металла. На столе нетронутый поднос с остывшей едой...

Худенькая девчушка с темными кругами под глазами сидела скрючившись и монотонно покачиваясь в глубоком кожаном кресле. Глаза безучастно вперились в тоненький золотой браслет с гравировкой «My love», который она держала в руках. Точно такие же надписи-татуировки пятнали щиколотку и бедро измученной пепельной блондинки.

Внутренности выжигала дикая непереносимая боль. В голове билась одна мысль: *«Вот бы уйти! Забыться и уснуть, забыться... не быть...»*

Зазвонил телефон. Включился автоответчик. Голосом мамы:

— Сабрина, милая, возьми немедленно трубку! Я знаю, что ты дома!

Девушка не пошевелилась.

— Доченька, тебе надо поесть! И не забудь принять таблетки, которые тебе выписал доктор.

Ноль реакции.

— Ладно, учти — я перезвоню позже.

Отбой.

Внезапно безучастность взорвалась ливнем ранящих осколков. Девушка вскочила и резко выдернула телефонный шнур:

— Как вы мне надоели! Когда же вы от меня отстанете наконец!

Заметалась по комнатке:

— Как вы не понимаете — кроме него, мне никто, никто не нужен!!!

Сабрина встряхнулась и схватила мобильный. В тысячный раз нажала знакомую комбинацию кнопок «горячего» вызова. И получила такой же знакомый ответ: «Абонент вне зоны доступа».

Он больше не желает ее слышать и знать. Почему?! Ведь поначалу он сам ее... Что, если в этот самый миг он обнимает другую девушку, нашептывает на ушко то, что обещал ей, Сабрине?

Девушка горько разрыдалась, жалко всхлипывая и размазывая слезы по лицу. Вскоре слезы иссякли. Дрожащими руками она утерлась бумажным полотенцем, с тоской глядя на распухший нос и красные глаза в зеркале.

Сабрине необходимо еще раз его увидеть, поговорить, объяснить! Он поймет. Это какое-то недоразумение. Он не может не понять. Он чуткий. Самый лучший, самый умный, самый любимый и родной!

Потому что если не так, если он играл, то для Сабрины все кончено. Тогда она для него была вещью! Теперь она грязная, поломанная вещь, игрушка, которую не отмыть — навеки замарана.

Ею попользовались всласть — и выкинули на свалку...

Села.

— А если все не так? Если он не подлец, не обманщик; если у него просто нет сердца? Если ему Богом не дано любить?.. — Девушка прижала хрупкие, тоненькие пальчики к вискам и трянула головой. Непрошенные слезы побежали по щекам. — Боже, бедненький, как ему тогда, должно быть, невыносимо тяжело жить! — Воскликнула, оживая: — Ему нужно обязательно помочь!

Долой сомнения! Решено. Нам надо еще раз встретиться и поговорить.

— Аэропорт? Я хочу забронировать на сегодня билет на рейс до... Да, да. Подходит.

Длинноногая блондинка вскочила, встряхнулась и понеслась в прихожую. Сжав до побелевших пальцев ключи от автомобиля, посмотрела в зеркало, беззвучно повторяя: «Я смогу! Я помогу! Ради него все вынесу!»

Чуть позднее...

Скользкая дорога, визг тормозов и краткий миг падения. Жар пламени и едкий запах гари. Растерзанное хрупкое тело в покоренной груди металла на камнях далеко внизу.

«Господи! — последняя мысль угасающего разума. — Прошу Тебя, Господи, помоги ему, пусть он узнает, как можно по-настоящему любить!»

Где-то там наверху горячая молитва была услышана. Шевельнулись спящие шестеренки, приводя в движение Жернова Судьбы.

ГЛАВА 1

Почему я должен оттяпать только руку по локоть? — подумал крокодил. — Если я могу съесть все?!!

— Да-а-а... Это не Рио-де-Жанейро, — сообразила я, рассматривая красивый лепной потолок.

В его центре был «небесный» медальон, на четырех позолоченных «веревочках» которого яростно надувал пухлые щеки, трубя в трубу, явно перекормленный ангелочек и стыдливо поддерживал что-то типа носового платка, прикрывая то, о чем в приличном обществе неприлично шепчутся.

— Феерично, — сказала вслух и попыталась встать с того, на чем покоилось с миром мое тело. Мое ложе оказалось кроватью, кстати такой же незнакомой, как и потолок.

— Привет! — решила я проблему и представилась: — Меня зовут Джул.

Просторная «пятизвездочная» кровать была предметом неодушевленным и, следовательно, невоспитанным. Она не поздоровалась.

Пахло розовыми лепестками и чем-то хвойно-терпким.

— Буду звать тебя кровать, — решила я, рыская глазами по ошеломляюще громадной комнате с архитектурно вычурными окнами, залитыми щедрым солнцем.

Стены роскошных апартаментов были украшены венецианской штукатуркой цвета слоновой кости с двойным широким золотистым ободком лепнины у потолка. Светлые деревянные полы, покрытые прозрачным лаком, дарили ощущение теплого живого дерева. Натяжной потолок с фотопринтом облаков создавали объемное впечатление круглого окошка в небо с подвешенным на цепях херувимчиком. Над окнами и дверью — белые арки с золотыми лепными узорами.

И никаких кресел или стульев! Голо.

— Кто-то очень пожалел мебели, — отметила я.

Судите сами: всю скудную обстановку составляла кровать со встроенными тумбочками, накрытая по-готически просто — черным шелковым бельем.

— Декаданс, — фыркнула я, яростно почесывая бедро. — Причем моральный.

Точно такое же явление происходило в моей голове — полный упадок умственной деятельности и отсутствие какого-нибудь объяснения, почему я здесь нахожусь. Последнее воспоминание — укол в бедро на темной парковке — и... все. Финита ля комедия! Получите расписной потолок, монстра в траурном убранстве и амура вдогонку. Для пущего эффекта, наверное.

Я вздохнула, еще раз почесала пострадавшее бедро и пошла искать приключений на все части тела.

При более тщательном осмотре обнаружилось четыре двери.

— Больше всего мне нравится та, что заперта, — призналась я себе и пошла в ванную.

Ванная встретила меня все тем же гигантизмом и розовым мрамором... с теми же ангелами. Только их стало больше, и они уже не трубили, а весело отплясывали сиртаки, размахивая крыльями. Но на данный отрезок времени меня это мало волновало. Даже если бы амурсы отплясывали брейк-данс. Потому что я наконец-то углядела, во что меня нарядили — нет! — вырядили.

Эту полупрозрачную вульгарную тряпочку с разрезами со всех сторон, на мой взгляд, не просто нельзя носить, ее нужно спрятать! Далеко и глубоко. Под землю. Желательно тому, кто ее создал! Чтобы больше никого не позорить.

— Если ЭТО призвано соблазнить... — покрутилась я перед зеркалом во всю стену, отбрасывая за спину тяжелую копну золотистых волос, достигающих тонкой талии, — то у кого-то совершенно отсутствует чувство меры, вкуса, такта и воображение! Нужно срочно принять меры!

И я решительно направилась в гардеробную. Там меня постигло жуткое разочарование во всем человечестве, потому как в развалах дорогущего барахла не было ни одной приличной вещи. Совсем! Ни единой! Зато неприличных — целый мировой океан! Газ, органза, кружево, сетка, перья, стразы, блестки... Продолжать нужно? И заканчивалось все это безобразие на полметра ниже шеи и на метр выше колен.

— Если это одежда, то я Микки-Маус! — вконец обозлилась я и полезла на раскопки.

Первый раз мне повезло в залежах купальников. Среди бикини, мини-бикини, мини-мини-бикини и совсем уж лепестков на стратегически важные места мне — о радость! о счастье! — попался сплошной купальник.

Я зело возрадовалась, словно волею судьбы отрыла в песках Египта как минимум еще одного Тутанхамона... с золотым саркофагом в придачу.

Второй раз я пришла в восторг, когда среди тех штучек, призванных называться обувью (видимо, по чистому недоразумению!), отыскалась пара стильных греческих сандалий без двенадцатидюймовых каблучков, ноголомных танкеток, перьев, царапающихся страз размером с хороший булыжник и помпонов.

УР-РА-А!!!

Теперь мои раскопки ушли в недра парео и платков. Здесь долго копать не пришлось, и вскоре я радостно сооружала тунику поверх сплошного купальника. Смотрелось если не стильно, то хотя бы прилично.

Следующим местом моего изыскательского досуга оказался широкий балкон, нависающий над ухоженным садом.

Перевесившись через перила, я путем несложных математических вычислений обнаружила, что меня и амуров заперли на втором этаже.

Под балконом простиралась роща из оливковых и кипарисовых деревьев.

— Это мне нравится! — поведала я себе, вися вниз головой.

— А мне нравится этот вид! — раздался сзади мужской голос.

Как пишут в женских романах: «Звук этого густого, сексуального голоса привел ее в замешательство и послал мириады иголок по всему телу, оголяя нервные окончания», — да?

Просто урок анатомии какой-то! Так вот, на меня этот набор звуков оказал прямо противоположное влияние. Захотелось порвать и укусить.

— Ой! — подыграла я мужскому эго и, шустро развер-

нувшись, выпрямилась, прижимая руки к груди, а попу к перилам.

На меня взирал с эдаким снисхождением великолепный образчик мужского шовинизма и эгоизма. Современный Геракл!

Темные, слегка вьющиеся волосы длиной до плеч зачесаны назад. Жгуче-черные, жестокие глаза под тяжелыми веками в тени густых длинных ресниц. Высокий рост, хорошая фигура. Словом, море мужского обаяния и воплощенного греха ростом шесть футов и три дюйма¹. Тридцать два года. Холост. Грек. Никос Казидис.

Хм... Николаос... «победа народа»... Назвали небось в честь святого Николая...

Как же, как же! Плейбой, Казанова и бабник. Три в одном. Обширное либидо, гуляющее в разные стороны, но большей частью налево.

Я на Корфу.

— Привет! — сказало это воплощение вселенского соблазна и радостно улыбнулось всеми еще оставшимися зубами, посверкивая на солнце ровными рядами будущих зубных имплантов.

Я решила побыть сегодня ради разнообразия вежливой и тоже ощерилась в ответ. И, поверьте, я совершенно не виновата, если моя улыбка напоминала оскал некормленной гиены!

— Ну, милая, давай познакомимся поближе! — на английском радостно продолжил общение баловень судьбы. Бывший, но он об этом еще не знает!

Красавчик попытался приблизиться...

Я улыбнулась еще шире и, сделав немислимый кульбит, перепрыгнула с балкона на оливу и быстро спустилась вниз, цепко и осторожно перемещаясь по хрупким колючим веткам и морщинистому стволу.

Древнегреческие легенды гласят: из оливы были сделаны те самые знаменитые палицы Геракла. У Гомера заостренной палкой из оливкового дерева Одиссей победил циклопа в одноименной поэме. Для меня же олива стала залогом моей будущей победы. Что сказать, символично.

¹ В английской системе мер фут равен 0,3048 м, дюйм равен 2,54 см.

— Стой, вернись! — заорал мигом потерявший большую часть спеси черноглазый мужчина.

И я называла Никоса Гераклом? Не права, каюсь. Он Гераккл.

— Сумасшедшая! — Глаза у мужика стали огромными. Просто чудеса безоперационной хирургии.

Как, птенчик?! Уже не «милая»?.. Быстро меня разжаловали!

— Немедленно вернись!

Угумс. Щас! Жди!

Я подмигнула растерянному мачо и резво поскакала в нужную сторону, прячась за кустами.

Отойдя на некоторое расстояние, провела рекогносцировку.

Итог: Божьей милостью меня занесло в окрестности не просто виллы, а шикарнейшего греческого поместья. Потому что на громадной территории в добрый десяток гектаров этих самых вилл было целых две, не считая вспомогательных построек. И обе — каменные домины немаленьких размеров.

Первая, так сказать, штаб-квартира — думается, имела площадь в полгектара, не меньше. Грубо обтесанный светлый камень, массивная кладка с декоративными вкраплениями кирпича, множество арок и удивительное изящество линий.

Строение венчала светлая черепичная крыша под старину.

Словом, типичная греческая архитектура. Мало того, в здание виллы привнесено все самое лучшее, что отличает архитектуру эллинов от любой другой — воздушность конструкций, натуральный материал, тонкий вкус и поразительно гармоничное сочетание с окружающим ландшафтом.

Вторая вилла немного уступала первой в размере, но предназначалась, скорее всего, для функции пляжной или гостевой. Меньше этажей, половина помещений полуоткрыта, выходы направлены в сторону моря.

Многочисленные, по краю увитые плетями цветущей бугенвиллеи и винограда изумрудные террасы плавно спускаются к дикому каменистому пляжу. Несколько небольших полос виноградников вдоль лестниц. На каждом шагу

сторожевые лепешки опунций с желто-оранжевыми плодами, декоративные гибискусы, гранатовые деревья, сделанные в виде бонсай, с алеющими шариками гранатов.

Недалеко от главной виллы расположен большой бассейн с кристально чистой водой, выложенный светлой мраморной плиткой и кое-где изразцами с высокохудожественными изображениями а-ля Древняя Эллада и оснащенный современной подсветкой.

А сама территория — изумительный сад, зеленый и живой, дышащий прохладой и дающий тень. Даже не сад — сады на террасах! Вьющиеся и кустовые розы, плантации диких лечебных трав, среди них — пахучий тимьян и средиземноморская душица, которую здесь нежно называют «ригани». Пальмы, оливы, огромное количество разнообразных фруктовых деревьев — от лимонного и апельсинового до мушмулы и айвы. Каждый клочок земли ухожен и обихожен. Все на капельном поливе, все бурно растет, цветет и плодоносит.

Голоса птиц, шум моря и ментальная тишина. Рай, да и только!

Рай для богачей, да. Вот только мне тут не место!

Отдалившись на достаточно безопасное расстояние, зашла в кустах. Пока рассматривала основную виллу и прикидывала некоторые догадки, заплела косу и обмотала голову еще одним куском ткани.

— Это есть гуд! — уверила себя. — Робин Гуд! — И короткими перебежками направилась обратно к зданию.

Трехэтажное строение по форме напоминало прямоугольник, и мне понадобилось совсем немного времени, чтобы обнаружить бойлерную.

Поскольку похититель рассчитывал на нежный между собойчик, то окрестности были пустынно и необитаемы.

Свои грешки Никос, видимо, предпочитал не афишировать, и мой прямой долг был его переубедить! Поэтому я просочилась вовнутрь и, немного поизучав систему кондиционирования, полезла рассматривать жизнь богатых с изнанки. Изнанка оказалась пыльная, местами пахла железом и туалетным освежителем.

Когда мои колени уже были готовы заявить хозяйке

ноту протеста и подкрепить длинной петицией в свою защиту, я услышала:

— Я сказал — найди ее!!! Не-мед-лен-но!

Опа! Это меня? Или тут еще кто-то кустами пробегал?

— Мы ищем! — отозвался второй более грубым голосом. — Но для ускорения поиска могу ли я хотя бы получить фото искомого объекта?

— Двадцать шесть лет, американка. Рост... пять футов и девять дюймов. Спортивная, стройная, с длинными ногами. Надменная. Мужчинам не доверяет. В общем, несмотря на шикарную от природы внешность, одевается и ведет себя как типичный синий чулок.

Э? Я могу и обидеться! Страшно и навеки!

Зашуршали бумаги.

— Кра-асивая... — задумчиво сообщил второй, видимо рассматривая мою (а чью ж еще!) физиономию.

Насчет красивой — искренне надеюсь! Не станет же греческий миллионер экономить на мелочах? Хотя... кто их, этих миллионеров, знает! Я еще ни с одним близко знакома не была. И еще я рассчитываю, что фотография получилась удачная...

— Не твое дело! — взорвался Никос. — Неужели так трудно найти на острове полуголую зеленоглазую блондинку без мозгов?! Да она должна колом в глазах стоять! Американка! Неприкаянная! Без вещей.

Н-да-а-а... Как все-таки много о себе узнаёшь нового... за глаза. Ну-ну, пусть еще поплавает в сладких иллюзиях. В последний раз.

Главное, чтобы не утоп раньше времени.

— В смысле ты хочешь, чтобы мы нашли ее тебе без мозгов? — хмыкнул кто-то слишком умный и чересчур здоровый.

Ага. А еще с лишним глазом, подозрительно целой челюстью и возмутительно длинным и неутомимым языком.

— Оставь свои шуточки, Йоргос, — прикрикнул Никос. — Я говорю серьезно!

Йоргос? А! Георгиос! Начальник охраны и верный пес...

— А если серьезно, то зачем тебе какая-то американ-

ка? — удивился Георгиос. — Что тебе, русских и европейских девок мало? Так еще мулатки остались. Такие барышни попадаются! Мм...

— Не твое дело!

Казидис начал повторяться и меня разочаровал. Я надеялась на более обширный лексический запас. Не повезло...

— А искать, значит, мое? — вкрадчиво спросил собеседник. — И от последствий избавляться — тоже мое?

— Я тебе за это плачу! — отгрызнулся Никос.

Я улеглась на живот, подложила руки под голову и битый час выслушивала, кто кому за что платит, сколько это стоит нервов и как нужно работать. На повышенных тонах. В ответ несло не менее эмоциональное — что кто-то в гробу видал таких старших родственников, пусть и богатых, такую работу и поручения, напрямую связанные с частыми прогулками в полицию и возможным длительным отдыхом под сенью решеток.

Разумеется, все излагалось куда более красочно, колоритно и подробно, но суть я изложила верно.

Потом кто-то из них шандарахнул дверью об косяк и наступила тишина, изредка прерываемая шелестом бумаг и клацаньем клавиатуры.

Я уже вся извертелась и успела жутко замерзнуть, когда щелкнула открываемая дверь.

— Ее нигде нет, мы прочесали весь остров!

— Что ты хочешь этим сказать?.. — ледяным тоном осведомился Никос. — Что девчонка испарилась?!

— Я хочу сказать — если ты действительно хочешь найти свою ясноглазую красавицу, то должен обратиться в полицию! — отрезал Георгиос.

— Ни за что! — категорично отказался неудачливый похититель. — Йоргос, мне не нужны лишние сплетни и слухи!

Я покивала головой, всячески соглашаясь. Мне они тоже не нужны. Предпочитаю проверенные факты.

— Если девчонка заблудилась — это одно! Но если она выберется в город... лучше твоя версия будет первой, — пытался урезонить бушующего мачо двоюродный братец. — Нужно придумать, что ты им станешь говорить... — Досадливо стукнул рукой о стену — звук стоял... непередавае-

мый. — И камеры, как назло, все до единой перестали работать!

— А что я могу рассказать, если она здесь без паспорта? — насмешливо и даже чуточку снисходительно отозвался Никос. — Ее даже слушать не станут! — Хмыкнул. — Документов нет, по-гречески не говорит, обычаев не знает...

— Ты ее что, украл?.. — подозрительно приглушенным, безэмоциональным голосом, за которым крылась леденящая бешеная ярость, поинтересовался Георгиос.

Тишина, говорящая больше иных слов.

— Опять?! С ума сошел?! — взорвался Йоргос.

Я жадно слушала.

Родственничек разошелся не на шутку:

— Еле-еле от Интерпола и желтой прессы, которая после той француженки за тобой полгода по пятам ходила, избавились — и снова за старое?! Никак не можешь угомониться? Мало тебе проблем? Она — американка! Да у них, если хочешь знать, принято судиться друг с другом за ручку от сумки! А ты ее, как бесхозный апельсин, запросто взял и умыкнул?! Делать тебе нечего, без конца неприятностей ищешь на свою голову?!

Нет, в чем-то он прав. Только ручка от сумки мне была не нужна. Зато я бы не отказалась от чьего-то скальпа, прибитого на моей входной двери! Казидиса!

— Так найди ее, — отмахнулся от упреков Никос. — И я решу эту проблему. Через пару дней девчонка будет есть у меня с рук и быстро успокоится какой-нибудь золотой побрякушкой.

— Наверно, именно потому она и сбежала, что мечтала золото из твоих рук кушать! — рявкнул Георгиос и умотал в голубые дали, искать светлое будущее в моем лице.

Мое же «лицо» вкупе со светлым будущим осталось лежать в засаде и слушать секретные деловые переговоры. Много из услышанного мне о-очень понравилось.

Что до камер... конечно, перестали работать, отчего ж нет! Я там немного поковырялась в щитке. «Ноль» и «фаза» были для меня понятиями новыми...

ГЛАВА 2

Не ищите приключений! Просто повернитесь к ним тылом, и они сами вас найдут!

— Еще немного, — выстучала я зубами в ритме танго, — и меня можно будет представлять как миссис Клаус...

За время пребывания в жестяном коробе я узнала массу полезных сведений и обогатила свои знания о натуральных блондинках. Оказывается, мы не только тупые и безмозглые, но и обладаем многими деталями, не указанными в анатомическом атласе. Например, даже спинной мозг у нас отсутствует. И думаем мы исключительно тугим кошельком.

Странно... Кошелек у меня не было, но думать я не перестала. Кажется, среди всех блондинок моя персона — поколение пехт. Блондинка-мутант.

Настало время «Ха» и, подышав на заледеневшие пальцы, я поползла в обратную сторону.

Озверевшие мужики, прочесав огромный остров раз пять вдоль, поперек и по диагонали, наконец уgomонились и пошли спать, пожелав перед тем друг другу много приятных вещей.

Некоторые я даже взяла на вооружение. Например: «Чтоб тебе во сне горгона Медуза приснилась и тебя на подвиги больше не тянуло!» Или как вам нравится — «Лучше бы нашел себе корову, бык племенной, и бодался себе в удовольствие!»

Красота!

Я осторожно выползла из притихшего дома и аккуратно, постоянно замирая и осматриваясь, потрусила в нужном направлении.

Забор удалось преодолеть достаточно легко. Благо рядом росло много деревьев и с той и с другой стороны, а сигнализацию так и не починили. Я хозяевам виллы в этом еще и помогла — накрутила кабель на согнутую ветку и... отпустила.

Правда я добрая? И поломку долго искать не придется! Сразу видно.

Пробежка в пятнадцать километров по пересеченной

местности далась достаточно легко и позволила согреться душой и телом.

Дальше предстояла сложная задача, но! Кто не рискует, тот общается с Никосом! И я поплыла к причалу на противоположной стороне острова.

Дотянула уже из последних сил и на пределе возможностей, но смелость города берет! Правда, потом не знает, куда складировать то, что жадными ручками пригрела... Впрочем, это уже, как говорится, следующий вопрос.

Мне же предстояло еще очень многое проверить до утра. Например, найти ту самую, нужную яхту. И я ее нашла. И даже вывела в море, уверенной рукой направляя на прибрежные скалы...

Трагедь, да и только!

Раздолбав злосчастную посудину, я наконец-то улеглась на камни, придав себе абсолютно потерянный вид и тщательно распределив на своей гм... «красоте» длинные золотистые волосы, живописно раскинувшиеся среди обломков. Теперь нужно было подождать, кто меня найдет...

Как справедливо заметил сволочной Казидис, документов у меня не было. Но был «спинной» мозг, работающий даже без денежного стимулятора. И кое-какие права.

— Ой! — раздалось над моим бранным телом, когда я совсем придремала.

— А-а-а, — глухо простонала я, подыгрывая и глядя сквозь ресницы.

Двое подростков примерно одного возраста в ужасе взирали на меня, одинаково зажав ладошками рты.

— Деда! — сообразила позвать на помощь девочка.

Умничка! Я всегда считала, что женщина первична!

Пришел деда, и тут уж события закрутились цветным калейдоскопом.

Вокруг меня вдоволь попрыгало все население деревни. Заглянули в лицо, пощупали волосы... Наверное, обязательно залезли бы в сумочку, но — вот незадача! — у меня ее не было. У меня вообще ничего не было, кроме меня. Даже сознания...

«Скорая помощь» прибыла достаточно оперативно. Всего-то за три часа.

Относительно быстро.

И помереть не успеешь в ожидании! Так, немного око-
чуришься, но еще почти не остынешь... учитывая южный
климат и жаркое солнце.

Не прошло и половины дня, как я оказалась в больнице,
а мое видео, снятое на мобильную камеру, на YouTube.
Верно народ шутит: если будет второе пришествие, то пер-
вое мы уже там увидим в записи!

Итак, та-да-да-дам! Я в больнице, в палате интенсивной
терапии, изображаю полную амнезию и незнание всех язы-
ков мира, кроме жестов — и то примитивных.

Мне тут же наставили целую кучу диагнозов и две капе-
льницы. С витаминами. Потому что никто не хотел риско-
вать. Видимо, решили: если уж я и отброшу больничные
носки, то со своей помощью и всяко без их участия.

Нет, поначалу меня по долгу службы попытались до-
просить:

— Parlez-vous français?¹

Данный запрос я проигнорировала хлопаньем ресниц.

Затем меня озадачили:

— Habla Usted espanol?² — И... — Buon viaggio!

Последнее порадовало особо. На итальянском означа-
ет — «Счастливого пути!» Надо бы уточнить, куда именно!

Но почему-то никто — никто! — не догадался спросить,
способна ли я общаться на греческом языке. Или хотя бы
на английском. Видимо, моя внешность у них ассоцииро-
валась исключительно с Испанией или Италией, ну или на
крайний случай — Францией. Почему не с Зимбабве?

Наконец пришел важный пожилой профессор и долго
щупал мой пульс на коленке и заглядывал мне в декольте
больничной рубашки.

Когда мне все окончательно надоело, я поинтересова-
лась:

— Могу я видеть американского консула? — На англий-
ском языке.

Профессор подпрыгнул на стуле и проверил мою нер-
вную реакцию, хлопнув по болевой точке чуть ниже коле-
на. И мы с ним вместе немного подергали конечностями...

¹ Вы говорите по-французски?

² Вы говорите по-испански?

М-дя-а-а, для почтенного профа оказалось полной неожиданностью, что женщины, оказывается, даже могут говорить! К тому же по-английски!

— Вы кто? — строго спросил он меня, рассматривая выдающуюся вперед грудь через толстые стекла очков.

— Джул Смит, — честно ответила я, сползая вниз и пытаясь встретиться с ним взглядом.

— Ага, — задумался профессор.

Естественно! Среди его пособий до сего дня не было ни одной говорящей Джул Смит.

— Откуда вы? — созрел следующий вопрос.

— Нью-Йорк, Большое Яблоко, — еще честнее поведала я, натягивая простыню до шеи и открывая ноги.

Профессор заинтересовался новыми перспективами, но все же спросил:

— Вы голодны? Яблок нет, но что-то все же есть... наверное.

— Консул? — тут же ввернула я, направляя его раздумья от ног к голове, причем — исключительно его!

— Это можно есть? — озадачилось местное светило.

— ЭТО можно слушать, — заверила его я. — Долго и нудно. Позовите, а?

— Ко-ого? — Профессор упорно изучал мои нижние конечности, словно новое захватывающее пособие.

— Консула! — рявкнула я. — Хочу видеть, слышать и обонять американского консула!!!

— Аг-га, — покивал специалист, мотыляя пушистой головой-одуванчиком с лысиной посередине. — Налицо агрессия и стресс!

— На лице у меня — жажда убийства! — завопила я еще громче. — Если мне не предоставят консула, я всю оставшуюся жизнь буду здесь жить и вопить!

— Связки надорвете, — невозмутимо предупредил профессор. — И вам в вашем состоянии опасно нервничать...

— В каком моем состоянии?! — озверела я. — У меня стресс и амнезия, но я точно помню, что не беременна!

— Поздравляю! — обрадовалось чему-то «светило». — Это так трогательно!

— А-а-а! — У меня кончилось даже ангельское терпе-

ние. — Помогите! Спасите его от меня, а то я за себя не ручаюсь! Счас потрогаю дедушку в состоянии аффекта!

Набежала куча медперсонала, и профессора увели на другую консультацию, а мне вкатили тройную дозу витаминов за очень «хорошее» поведение и пригрозили страшным набором медицинских терминов.

Я прониклась и затихла. На время.

А консула мне все же нашли. Искали сутки, но потом ко мне приехал вежливый подтянутый мужчина в галстук, затянутом у самого кадыка, и очень корректно задал три миллиона вопросов. Ответила я только на три: как зовут, где живу и какой у меня номер карточки социального страхования. Эта информация была неподвластна никакой амнезии!

Через сорок восемь часов меня выперли из больницы и отобрали халат. Надо, правда, отдать им должное (но я бы лично не отдавала) — ребята не поскупились! Подобрали мне на бедность шорты восемнадцатого размера (я ношу второй) и футболку (мужскую!) три икса. Я утонула. Персонаж итальянской комедии Пьеро. Зато свободно и практически ничего не видно! Во всем есть что-то хорошее, главное это найти, не особо углубляясь в мелкие детали.

Так вот, в руки мне дали одежду, в зубы — папку с обратным билетом, документами на выезд и справкой о частичной вменяемости. Доктор сказал, он, дескать, надеется на мое благоразумие. И предупредил, что пассажиров кусать не нужно, они могут быть невымытые.

Неужели я произвожу такое впечатление?

Оказалось — еще хуже. Пухленький курчавый таксист с огромным носом наотрез отказался меня куда-то везти. Сказал, активно жестикулируя:

— ЭТО я не повезу даже за очень большие деньги! Мне психика дороже!

Да я бы с ним и не поехала! Он машину носом ведет! Вот!

На «частнике» я сама отказалась ехать. Наотрез. В придачу угрожала вернуться обратно и занять люкс-бокс. Весь персонал больницы хором уговорил третьего таксиста, худого как палка брүнета с редкими зубами доставить меня в аэропорт и избавить их прекрасную страну от страхолудного пугала в моем лице.

Я делала вид, что не понимаю по-гречески, ковыряла дорожную пыль носком сандалии и прислушивалась к спорам. Когда тощему нервному дяденьке пообещали бесплатную консультацию у психопата — извините! психолога! — он, скрипя теми самыми зубами, согласился сэкономить на визите и повез меня на встречу с родиной.

По пути я вела себя примерно и амнезией не размахивала. Поэтому доехали мы мирно. С пятой попытки. Дядя так пялился на меня в зеркало заднего вида, что регулярно промахивался мимо поворотов.

— Спасибо! — Я была сама вежливость и воспитанность, когда вываливалась в полуденный зной у здания аэропорта Миконоса.

Водитель лихо газанул, обдав меня запахом ядовитых бензиновых выхлопов, и отбыл получать бесплатную консультацию.

— Не очень-то и хотелось! — пробормотала я, за неимением слушателей тихо сама с собою ведя беседу.

Внутри было прохладно. До моего рейса оставалось чуть более трех часов. Заняться оказалось нечем, но духом я не пала и, со скуки поизучав все расписания, объявления и картинки, отправилась в женскую комнату.

Там, сполоснув лицо холодной водой, обрела бодрость и жизнерадостность. Пока я изучала свою оптимистичную физиономию в зеркале, в туалет зашла стройная черноволосая девушка в ярком платье и пристроилась рядом, подкрашивая губы.

— Какой у тебя рейс, подруга? — вдруг задала она вопрос. На английском языке.

— Не помню, — буркнула я, начиная подозревать неладное. Но снова укол в бедро и...

ГЛАВА 3

Доведут тебя амуры, что придешь домой без шкуры!

— На Рио-де-Жанейро я уже и не рассчитываю! — доверительно сообщила я двум амурам на лепном потолке.

Те выслушали вдумчиво и внимательно, но ответом почему-то не одарили.

А меня, кажется, повысили!

Вместо одного амура с трубой мне уже выдали двух. С лирами. И рубашка на мне была в два раза длиннее, но в три раза больше открывала. Угу. Два раза на груди и один раз на бедре. Пострадавшем.

Я ласково почесала несчастное бедро, так не приглянувшееся мерзавцу Никосу, и, одернув зеленую атласную накидушку, привстала на кровати.

Точно, повысили! Судя по верхушкам деревьев, я уже на третьем этаже! И за решеткой.

Интересно, а Казлидис, то есть Казидис Дюма читал? «Графа Монте-Кристо», например?

Так вот, я — гораздо круче!

За дверью слышались шаги.

Я посчитала преждевременным банковать и плюхнулась обратно на постель, возведя глаза к амурам, а себя в протрацию.

— На этот раз... — грозно сообщил мне Никос, врываясь в комнату.

Я лежала молча и глазела на амуров, пересчитывая струны в лирах и складочки на пухлых ножках.

— Ты меня слышишь? — остановил свою прочувствованную речь мужчина.

Конечно нет! Я ж в протрации. Понимать нужно! Там свои законы! Прикидываешь?..

— Джул?! — Он помахал у меня перед носом ладонью и сбил меня со счета. Я уже была на сто тридцать восьмом целлюлите.

— ДЖУЛ!!!

Во орет, орУнгутанг окультуренный! Я в курсе, как меня кличут!

— ТЫ СЛЫШИШЬ?

Тупой, еще тупее! Повторяю, у меня амнезия и протрация. Третьему тут делать нечего!

Для приличия Никос потряс меня за плечи.

Я поколыхала декольте, но реагировать сочла ниже своего достоинства и считать не бросила.

Наконец до мужика доперло: он попал! А поскольку

знойный мачо, видимо, не любил «попадать» в одиночку, то открыл дверь и завопил еще громче, созывая компанию:

— ДОКТОРА!!!!!

С пятью восклицательными знаками. Я знаю, что по грамматике полагается только три, но у него было пять, не меньше!

Доктор пришел. И мне понравился. Я даже на пару минут пожалела о прострации и невозможности пококетничать, потому что такой милашка среди остальных мужских особей попадает редко. Прямо кандидат в ангелы!

Ростом четыре фута и один дюйм для солидности, Аристарх был строен, как строительная балка (если ее распилить и сложить вчетверо), и так же несгибаем. Его абрис с Никосом не имеет ничего общего. Круглолицый живчик с почти женственными чертами лица. Милый такой темный шатен с замечательными карими глазками, из которых прямо изливалось сердечное тепло.

Но не в этот раз. На Никоса он только что ядом не плевал. Выплеснул на гада столько презрения, что мне даже стало приятно: хоть кто-то вступается за мою поруганную честь и подорванное хрупкое здоровье!

— Ты засранец, Никос! — кратко и емко высказался доктор, и я полностью под этим подписалась. Молча.

— Я твоего мнения не спрашиваю, Ари! — взорвался в который раз Казидис. — Ты давай ее лечи!

— Я не могу ее лечить! — не менее эмоционально заорал доктор. — Это не лечится!

Что, так плохо? Не надо меня пугать! У меня еще где-то остались ресурсы!

— Почему?

Вот я бы тоже не отказалась это узнать!

— Потому что тогда до полного выздоровления пациентки я буду должен исключить тебя! — не успокаивался Аристарх. — А ты не исключаяешься!

Тут я зауважала доктора со страшной силой и пошевелила большим пальцем на правой ноге.

— Ой! — отреагировал Никос. — Она шевелится!

— Естественно! — напустил на себя солидность доктор. — Она же живая!

— А по ней не скажешь! — засомневался Казанова.

А вот не дождешься! Я не буду реагировать! Но вот когда я встану — ты ляжешь! Причем в очень неудобной позе. И один!

Дальше они очень национально поругались, и доктор вытурил Никоса из комнаты, пообещав навестить перед уходом и прописать ему пару литров... успокаивающего.

Я прикусила язык, чтобы не присоветовать вдогонку снотворного со слабительным, и продолжила считать: «Двести пятнадцать, двести шестнадцать...»

— Мадемуазель, — галантно обратился к пострадавшей Аристарх. — Если вы меня слышите, то позвольте выразить вам свое сочувствие и поставить в известность, что вы влипли в огромные неприятности...

Угу, а я думала — меня сюда пригласили на ромашках хозяйну погадать! Я хоть и блондинка, но в пестиках и тычинках тоже понимаю!

— ...А если не слышите, — меланхолично закончил греческий эскулап, — то... простите, вы все равно влипли!

Какое выдающееся, тонкое наблюдение! Прямо Сократ с Эйнштейном!

И врач прописал мне покой. Слава богу, не вечный, а временный. С тем и удалился.

Пока я размышляла о ромашках и фиалках, море и солнце, добре и зле, снова пришел Никос и с порога поинтересовался:

— Ты тут?

Нет! Это не я! Это тень отца Гамлета! Видит Всевышний, еле удержалась, чтоб не спросить: «А ты?!»

— Ты — свин! — оторвала я взгляд от надоевших амуров и перевела на очумелого мужчину.

— Ты умеешь говорить! — несказанно обрадовался Казидис. — А почему «свин»?

— Я умею еще и орать, — погордилась я. — А свин потому, что ты умыкнул меня второй раз подряд. Это уже наглость и перебор!

— Я и третий умыкну, — поделился он планами мирового господства, приближаясь к кровати. Темно-синяя шелковая рубашка свободно расстегнута, оттуда выглядывает мускулистая грудь, вопреки моде покрытая темными курчавыми волосками.

Это он меня так соблазнить видом пытается? Тогда не по адресу!

— А смысл? В чем прикол? — любопытствовала я. — Время девать некуда?

— Я всегда получаю все, что... или кого... хочу, — хмыкнул он, присаживаясь на краешек кровати.

— Все когда-то бывает впервые, — поджала я губы. — Скажу один раз и очень прямо, чтобы твоя одинокая извилина, отвечающая исключительно за размножение, сильно не напрягалась! Услышь и вникни: тебе здесь ничего не светит!

— Ошибаешься, рыбка! — промурлыкал соблазнитель. — Гарантирую — тебе понравится!

— Тебе тоже! — непоколебимо заверила его я с глубоким внутренним злорадством. Хотя это и весьма недостойно для особы ангельской наружности. — Если не понимаешь по-хорошему, то разреши сообщить тебе одну крайне неприятную вещь: ТЫ. МНЕ. НЕ ПРАВИШЬСЯ! Сюрприз!

— Это временно! — Очарование просто катило как Hummer. Без тормозов.

— Самое постоянное — это временное! — посвятила я его в свою жизненную философию и поджала ноги. — А теперь поговорим серьезно...

— С красивыми девушками вредно говорить, — пошел в любовную атаку Никос. — С ними нужно заниматься кое-чем другим, например — лежать рядышком!

— Только лежать? Я тебя разочарую: еще они умеют стоять и сидеть! — заверила я его. Устало заявила, сворачиваясь калачиком: — Уйди сам.

— А то что? — самоуверенно засмеялся он. — Будешь кидать в меня подушки? Или рискнешь испортить маникюр?

— Подушки не буду, — сощурила я глаза. — Пачкать не хочу. — Тяжело вздохнула, мазнув рассеянным взглядом по атласным подушкам всех форм и размеров. — Но, боюсь, придется...

— О чем ты? — Никос протянул руку, чтобы погладить меня по ноге.

Я сердито посмотрела на него и, метнувшись к краю

кровати, разбила об угол тумбочки хрустальный графин, зажав в руке острый осколок.

— Об этом, — ухмыльнулась, глядя в побледневшее красивое лицо. — Или ты уйдешь, или уйду я... но совсем.

— Ты сумасшедшая? — На смуглых щеках заходили желваки.

— Я — блондинка! — парировала, как будто это что-то объясняло.

Следующие секунды слились воедино. Он сделал стремительный бросок в мою сторону, пытаясь отобрать осколок, а я чиркнула себя шее.

— Дура! — заорал Никос, прижимая к ране простыню. Добавил децибелов в очередной призыв: — Доктора!

— Уходи, — прошептала я посиневшими губами. — Уходи или я перестану дышать!

— Ненормальная! — Он все еще сдерживал кровотечение. — Так нельзя!

— Нельзя — как ты! — Силы меня покидали, и кровать подо мною начала медленно вращаться.

На этот раз пострадало не бедро, а шея. Прогрессируем!

— Когда придешь в себя — поговорим! — Это последнее, что я услышала.

Если он думает, что решающее слово осталось за ним, то сильно ошибается! Просто я не успела сказать свое вслух!

ГЛАВА 4

Если уж Бастилию разрушили, то что такое одна стена?

— Согласна на Орландо! — пожаловалась я амурчику. — Потому что в Рио-де-Жанейро мне, похоже, попасть не светит!

Лежа под очередной капельницей и разглядывая потолок, потому что горло мне перетянули (надеюсь, это не удавка и не ошейник!), я подслушала разговор за дверью.

— Ты понимаешь, что еще пару миллиметров — и была бы задета сонная артерия? — зло вычитывал богачу Аристарх. Надавил: — Не гневи Бога — отпусти девушку!

Козлакис хмуро промычал что-то отрицательно-невнятное.

Семейный врач упорно настаивал:

— Найди себе другую, разве мало желающих у нас по клубам гуляет? — Фыркнул: — Или ты урод?! Оторвут ведь с руками и ногами.

— Никогда! — отчаянно сражался Никос. — С клубными шлюхами мне скучно и неинтересно. — В свою очередь стал убеждать: — Глупышка просто не понимает, как ей повезло! Я могу обеспечить ей такой стиль жизни, какого у нее никогда не было! Ей такое и не снилось!

— А девушка хочет такого счастья? Ты ее спросил, хочет ли она греть тебе постель? И как надолго ты захочешь ее видеть рядом с собой?.. Месяц? Неделю?..

— Какое тебе до этого дело, Аристарх? Завидуешь? Она красotka!

— Она — не рабыня! Она личность! Очень независимая девушка, если ты этого не заметил! Личность, понимаешь?! И ты ей совсем не нравишься! Иначе бы она не попыталась себя убить!

— Это несчастный случай! — гнул свою линию подлый похититель. — Просто игра на зрителя. Подумаешь, немного не повезло...

— Не повезло?! — стал надсаживать глотку странный доктор. — Не повезло?! Да она стояла на краю смерти!

Никос зло, с плохо скрываемым раздражением:

— Не преувеличивай!

Еще более гневно:

— Не преуменьшай!

— Ты — трусливое ничтожество...

— Я трусливое ничтожество?! — рявкнул доктор. — Я?! Да если хочешь знать, если б я был тем самым трусливым ничтожеством, то давно бы заявил в полицию! Скажи спасибо, что ты мой троюродный брат, и если я это сделаю, то моя мать, родственница твоей матери, мне башку снимет! А то я давным-давно с преогромным удовольствием засадил бы тебя! Лет эдак на двадцать!

— И загремел вместе со мной сам! — торжествующе засмеялся Никос.

— Да, — вздохнул доктор. Повысил тон: — Но тогда, возможно, этого бы не случилось с последней твоей девочкой!

— Сабриной? А что с ней случилось? — подозрительно спросил брюнетистый питекантроп. — У нее обнаружили сифилис? Гонорею? — Уже совсем встревоженно: — СПИД?!!

— Не прикидывайся идиотом! Неделю назад Сабрина умерла, — мрачно сообщил эскулап. — Якобы попала в аварию.

— Ну вот видишь! — облегченно вздохнул поганец Козюдис. — Я ни в чем не виноват!

— А до того ее трижды — трижды! — вытаскивали с того света! Депрессия... — с нажимом ответил доктор. Сказал отстраненно: — До сих пор не могу простить себе...

— И при чем тут я?! — фальшиво удивился Козлакис.

— Трижды идиот! Ты сломал ее, сломал, понимаешь?! — зло отрезал врач и прекратил диалог.

— Пи-и-ить! — Мне надоело подслушивать. К тому же позиция обоих мне была вполне ясна.

— Сейчас! — В комнату ворвался Аристарх в светлом костюме, отдаленно напоминающем врачебную форму, и напоил меня из специальной бутылочки с пластиковой трубкой. После этого смочил мне губы ватным тампоном и присел рядом.

— Спасибо! — прошептала я.

— Не нужно, — смутился доктор. Извинился за чем-то: — Ничем другим я вам, к сожалению, помочь не могу.

— Вы можете сообщить обо мне полиции и в консульство, — предложила я ему надежное успокоительное для неспящей и кусачей совести. Вдруг да поможет чудаку на пути к ангельскому статусу?

— Не могу, — тихо произнес Аристарх, деликатно проверяя мой пульс и стараясь не встречаться глазами. — Никос — мой близкий родственник и глава семьи. Моя родня полностью зависит от его благорасположения.

— Что такое одна жизнь в сравнении со многими? — скривила я губы. — Вы это хотите мне сказать?

Доктору стало стыдно, и он поспешно отвернулся. Его смущение выдали побагровевшие шея и уши.

Но делать он ничего не будет. Типичная страусиная политика невмешательства. Своя семья против чужестранки? Выбор ясен. Одна против всех.

— Как наша пациентка? — вплыл в комнату невозмутимый Казидис. — Уже лучше себя чувствует?

— Если ты еще раз сюда зайдешь, Казлудис, — попыталась я улыбнуться потрескавшимися губами, — то я доведу свою угрозу до конца!

— Никто не может просто перестать дышать по своему заказу! — ухмыльнулся Никос, упирая руки в бока. — Глупый бабский шантаж.

— Глупый ты... — грустно ответила я. И отключила дыхание.

Аристарх, видя мои стремительно синеющие губы, кинул умоляющий взгляд на родственника и включился в работу.

Для начала меня сильно побили в грудь. Потом очень крепко поделали искусственное дыхание.

Ломота в голове и болезненная резь в легких нарастали, но я держалась и не собиралась сдаваться, пока не услышала звук хлопнувшей двери.

А-а-ах! В легкие ворвался долгожданный спасительный кислород.

— Вы сумасшедшая! — с каким-то детским восторгом сказал доктор.

— Вы мне это уже говорили, — прокаркала я. — Или не вы...

— Отдыхайте, — оставил меня врач-колобок, накапав мне чего-то в мензурку и заставив выпить.

Надеюсь, это не яд и не афродизиак, потому что я тогда с него живого не слезу. С доктора. А потом его уже Никос поимеет... морально.

Злая я сегодня...

В последующую пару дней меня не трогали, но кормили как на убой. Впрочем, нас — меня и мой аппетит — это ничуть не смущало.

Несколько раз я слышала шум взлетающего (или садящегося? Шут его знает, издали не разберешь!) вертолета.

Но Никос не показывался. То ли прочувствовал, то ли Аристарх поперек порога костями лег. Я не проверяла...

Дверь, к моему глубочайшему сожалению, постоянно была закрыта.

Силы ко мне возвращались стремительно, и я начала раздумывать, чем бы мне занять свое свободное время.

И нашла...

Я решила стать перволомателем стен! В дверь меня не пускали. На балконе — решетка. А мне так хотелось подышать пьянящим воздухом свободы!

Дело стало за малым — найти подручный инструмент. Подручный не нашла, зато нашла подножный. Подставка для туалетной бумаги — солидная, тяжелая и с острыми углами. Годится. То, что надо!

Поплевав и на руки, и на выбранную наудачу стену, я чуть-чуть подождала.

Не разъело.

Странно. Обидно. Досадно. Еще один миф рухнул. А я так надеялась!

Говорят, что каждая женщина в душе змея. Врут. От зависти!

С песенкой «Boys Will Be Boys»¹ на устах я прицелилась, размахнулась и пошла крушить стену. Поскольку моя персона была самым охраняемым секретом и к тому же перебила все, что было в пределах досягаемости (а достягала я многое), то, естественно, никто на издаваемый наверху шум внимания не обратил. Конечно, шахтерская работа утомляет... но все искупает результат!

— Ура-а-а! — Стену со своей стороны я пробила и копалась в утеплителе и звукоизоляционном материале.

Проблемой это не стало, просто стало гораздо больше мусора у меня в гардеробной. Но то уже были не мои проблемы...

Стена с противоположной стороны тоже долго не сопротивлялась и сдалась на милость победителя после тщательного хм... постукивания.

Свобода манила и звала! Я гордо шагнула в открывшийся проем, придерживая на трудовом плече мозолистыми отбитыми руками бронзовую подставку на случай непредвиденной обороны.

¹ Популярная песня певицы Paulina Rubio.

— Это я удачно зашла! — Стояла карающим ангелом посреди гардеробной Никоса и радостно потирала натруженные руки, злобно хихикая.

Два часа потратила я на то, что меняла местами одежду, перетаскивая в гардеробную Никоса всю прелесть, в которую он планировал меня одевать!

Вместо шелковых трусов-боксеров я набила его ящички яркими воздушными кружевными вещичками с гипюровой сеточкой, украшенной бисером, стразами и перьями.

Бог велел делиться с ближним! И я неукоснительно следовала этому священному принципу.

Вместо рядов выглаженных дизайнерских рубашек повисли полупрозрачные боди и комбинации с прорезями на самых интересных местах. Костюмы я заменила пеньюарами. Брюки и джинсы — мини-купальниками и парео. Сердце радовалось, а душа моя парила в небесных кущах, когда я представляла Никоса Казидиса в каждом из этих одеяний.

Идея мне очень понравилась. Я решила ее всесторонне развить и не отказывать себе в удовольствии. Словом, сделать все, чтобы мне здесь нравилось еще больше!

Прикусив нижнюю губу, я осмотрела кучу сваленной одежды и наметила план работ. А еще... еще у меня был под рукой богатый до безобразия набор косметики. И не один! Я решила пустить их в дело.

Ну не пропадать же добру? Тем более что я его косметикой не пользовалась!

Итак... на всех костюмах, рубашках и футболках твердой рукой я написала «With love!», используя помаду, жидкие румяна, подводку для глаз и все, что могло оставлять яркие, плохо отстирывающиеся отпечатки на ткани.

Подписываться не стала. Заменяла свой росчерк на стрелу Робин Гуда, указывающую вниз. Он теперь хорошо запомнит мой фирменный знак. Надолго!

Брюки и джинсы я украсила эмблемой Target — красивой мишенью.

Должен же быть у Никоса опознавательный знак?

С трусами я обошлась проще: разрежала их по швам и сделала прелестные коротенькие юбочки.

Правда, оставила себе парочку новых — думаю, сойдут как шорты.

Поскольку материал для работы у меня закончился, а жажда мести — нет, то я пошла посмотреть, где еще можно напакастить по-крупному.

Начала с ванной...

— Подведет тебя, Козлукис, любовь к блестящему! — шипела я, подменяя флаконы в специальных футлярах с именной гравировкой.

Пена для бритья стала лаком для волос с сильной фиксацией, дезодорант — освежителем воздуха, нормальный шампунь превратился в оттеночный. Цвет я выбрала — за-качаешься! — «Голубая лагуна».

Надеюсь, тебе, милый, понравится!

Я осмотрелась. Косметики у меня еще оставалось предостаточно, и я приступила к тяжкому труду облагораживания помещений. А что? Дизайн — самое подходящее занятие для творческих личностей!

В ванной я намазала все, до чего дотягивалась, маслом для загара.

И зачем, спрашивается, понапрасну тратить деньги на горные лыжи, если можно их себе устроить не сходя с места?

Полюбовавшись делом рук своих, осторожно выползла и направилась в кабинет.

А там... прямо рай для юного неуловимого мстителя!
ВСЕ! ШАШКИ НАГОЛО, ПЛЕННЫХ НЕ БЕРУ!

Хозяин получил... Гель в ящиках стола. Электроплойку в компьютере. Средство для снятия макияжа на кодовом замке сейфа и любимое масло для массажа с запахом жимолости на полу!

Пылая праведным гневом, я стояла около широкой кровати с балдахинном, застеленной красным шелковым бельем. Опять космодром на мысе Канаверал?! Я тебе покажу! Хорошенько попрыгала сверху. Кровать терпеливо снесла все мои измывательства и даже не скрипнула. Матрас тоже оказался выносливым на диво — ни одна пружинка не провалилась! Видно, делали на совесть. Итог не воодушевил: сексодром так сломать не удастся. А жаль!

Тогда с помощью рук и маникюрного набора я расштата-

ла стойки балдахина и оставила их, можно сказать, «на соплях».

Я бы со злости и ножки у этого одра подпилила, но маникюрная пилочка отказалась совершать такой подвиг, а зубы мне еще были нужны.

Затем, следуя своему далеко идущему членовредительскому плану, я убрала видимые остатки погрома в гардеробной, сдвинула стеллаж, небрежно маскируя результаты своей деятельности, и приготовилась ждать.

Я уже успела плотно поужинать и даже подремать, когда раздался звук подлетающего вертолета.

Оставалось только надеяться, что после моих сюрпризов Никосу будет нечем меня удавить... или не на чем ко мне подойти...

Я не сомневалась, что подобную честь он никому не уступит!

Спустя пару часов из-за стены раздался жуткий грохот...

— Хорошая привычка — мыть руки! — с огромным удовлетворением похвалила его я, напряженно прислушиваясь и страшно жалея о невозможности видеть это вблизи своими глазами.

Грохот повторялся несколько раз, перемежаясь громкими криками, в которых я разобрала жуткие проклятия и все кары на головы прислуги, которая натерла пол до состояния катка.

Не то чтобы я гналась за брэнной славой, но стало немножко обидно...

Дальше много орали и топали.

Мне понравился Аристарх, пробежавший мимо моей двери со словами:

— Жалко, что это ушиб, а не сотрясение! — туда.

И...

— Почему только вывих, а не перелом?! — обратно.

Я сдержала самый первый благородный порыв и не предложила доктору помочь доломать начатое, чем в глубине души страшно гордилась.

Спустя еще какое-то время...

Бабах!

И снова много местного колорита.

Вероятно, сложился балдахин и кого-то погребло под пыльными тряпками. Очень надеюсь, что это был не Аристарх.

Под окнами нарисовался грузовик, и в дом потащили новую кровать.

Экий сибарит! Мог бы и на коврике в прихожей подремать!

Еще спустя пару часов ко мне через гардеробную ворвались хромающий на правую ногу Никос, потрясающий кружевными трусиками, и кусающий от сдерживаемого смеха губы Георгиос.

Я внимательно присмотрелась к начальнику службы безопасности: а что? Мне нравится!

Сильный мужчина! Надежный и опасный. Он не был красавчиком в прямом смысле этого слова. Может, ростом и чуть пониже Никоса, зато плечами пошире и бицепсы побольше.

Квадратное лицо. Тяжелая челюсть. Многократно перебитый, чуточку свернутый в сторону нос. И синие глаза с настороженным взглядом бывалого человека. Похоже, жизнь когда-то хорошенько потрепала его. Черная футболка, джинсы и облегченные летние кроссовки; кобуры пистолетов — все на командире местных бодигардов смотрелось органично.

Но и что-то человеческое пока не утеряно. Другой телохранитель сейчас бы прикинулся отмороженным. А этот даже не пытается. То ли шефа не настолько боится, то ли... Нет. Не боится. Точно.

— Это что такое?! — помахал Казидис у меня перед лицом интимным предметом дамского туалета.

— Скорей всего, нижнее белье, — невозмутимо ответила я, отводя сие от лица.

— ЧБЕ?! — взорвался хромающий сатир, глядя на меня в упор.

— Это нужно у тебя спросить, — так же спокойно парировала я. — Если уж ты его и принес...

— Я ЭТО нашел у себя в шкафу! — орал мужчина.

— Так это твое?! — немедленно «прозрела» я. Подивилась: — Какие у тебя странные наклонности...

— Молчать!!! — Он попытался затопать ногами и под-

прыгнул от боли. Лицо похитителя побагровело от ярости, жилка на виске заметно пульсировала.

А задумка с допросом была хорошая... только исполнение слабоватое... наверно, по причине бездарности исполнителя.

— Как ЭТО оказалось у меня? — отдышавшись, поинтересовался Никос. — И КАК ты объяснишь огромную ДЫРУ?

— Где? — вытаращила я глаза.

— Там! — ткнул он пальцем в Георгиоса.

Я оглядела сверху донизу шефа личной СБ миллионера. Со всем должным прилежанием.

— Он — целый, — хладнокровно проинформировала Казидиса и успокоила начальника охраны. Или почти успокоила. Потому что насильно подавляемый ржач перешел в тихий гогот.

— Он — ДА!!! А стена — НЕТ!!! — бушевал владелец виллы.

— Это уже слишком для моего интеллекта! — заявила я, сползая с кровати. — Пойду посмотрю!

— ЭТО ЧТО?! — в полном обалдении уставился Никос, словно первый раз меня увидел. — Это мое?

— Где?! — не стала отвлекаться от цели визита и, подтянув до талии спадающие боксеры, деловито направилась в гардеробную.

— На тебе мои трусы! — никак не мог успокоиться черноглазый жлоб.

— На них так и написано? «Мои трусы»? — невозмутимо спросила я, без особой поспешности разглядывая расширенный проход. В конце концов, куда торопиться? Сюрпризы остались Козлодоису.

— Нет! Но...

— Сэр, — обратилась я к Георгиосу. — Когда вы перестанете дрожать плечами, объясните этому джентльмену, как невежливо тыкать пальцем в даму и требовать назад то, что не подписано!

— Заткнись!!! — окончательно вышел из себя Никос. — Почему в стене дыра?

Я молчала.